

К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА ФРГ В ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ЕДИНСТВА

Целью настоящей работы является комплексный анализ отношения Христианско-социального союза ФРГ к возникновению раскола Германии, участия данной партии в поисках путей его преодоления, её вклада в достижение германского воссоединения.

В период существования германского вопроса Христианско-социальный союз имел влиятельные позиции в Баварии, на уровне западных зон оккупации, в масштабах Федеративной Республики Германия. Об этом свидетельствует следующая конкретика. Процент голосов, поданных за эту партию на выборах в бундестаг, составлял: 1949 г. – 5,8; 1953 – 8,8; 1957 – 10,5; 1961 – 9,6; 1965 – 9,6; 1969 – 9,5; 1972 – 9,7; 1976 – 10,6; 1980 – 10,3; 1983 – 10,6; 1987 – 9,8; 1990 – 7,1; 1994 – 7,3 [1].

Результаты выборов в земельный парламент Баварии были для ХСС таковы: 1946 - 52,3 %; 1950 – 27,4 %; 1954 – 38,4 %; 1958 – 45,6 %; 1962 – 47,5%; 1966 - 48,%; 1970 - 56,4%; 1974 - 62,1%; 1978 – 59,1%; 1982 – 58,3%; 1986 – 55,8%; 1990 – 54,9% [2].

Представители этой партии постоянно занимали должности федеральных министров в периоды, когда блок ХДС / ХСС находился у власти (1949 – 1969, 1982 – 1998 гг.).

С 1970 г. ХСС монопольно формирует правительство Баварии.

Обращение к теме исследования, избранной автором, представляется актуальным в свете той роли, которую Христианско-социальный союз играет в современной ФРГ. Эдмунд Штойбер, лидер ХСС, премьер-министр Баварии, был кандидатом на пост федерального канцлера от оппозиционного блока ХДС/ХСС на парламентских выборах, проходивших в ФРГ 22 сентября 2002 г. и совсем немного уступил основному сопернику – действующему главе исполнительной власти Герхарду Шрёдеру. Партия по-прежнему солидно представлена в бундестаге.

В советской историографии сложились стереотипы в оценке ХСС в целом, его германской политики. Эту партию называли «баварским форпостом западногерманской реакции». Считалось, что из всех парламентских партий ФРГ подход ХСС к решению германского вопроса был наиболее деструктивным. В 1970 – 1980-ые гг. ХСС однозначно оценивалась как антиразрядная партия. Не был предметом специального исследования общий знаменатель позиций Христианско-социального союза и партий, образовавших социал – либеральную коалицию, по германскому вопросу.

Поддержка этой партией немцев, изгнанных с родины, активная защита баварским союзником ХДС их интересов приводились как доказательство реваншистской сущности ХСС.

Вопреки западногерманским реалиям выдвигался тезис о тесной связи лидеров данной партии с военно-промышленным комплексом ФРГ. Из этой связи выводилась незаинтересованность ХСС в разрядке международной напряженности.

На лидеров партии Йозефа Мюллера, Ганса Эхарда, Ганса Зайделя, Франса Йозефа Штрауса неизменно навешивались ярлыки ярых реваншистов, воинствующих милитаристов, подходивших к решению германского вопроса исключительно

но с позиции силы.

Советские ученые не занимались серьёзным исследованием вопроса о правовой корректности инициатив ХСС, направленных на восстановление германского единства. У представителей постсоветской историографии пока нет фундаментальных трудов по германской политике ХСС. Правда, некоторые её аспекты уже подверглись пересмотру.

Отношение ХСС к германскому вопросу прошло в своем развитии следующие этапы:

- 1) 1946 – 1949 гг.
- 2) 1949 – 1969 гг.
- 3) 1969 – 1982 гг.
- 4) 1982 – 1989 гг.
- 5) 1989-1990гг.

Отличительной особенностью первого этапа явилось существование четырёх оккупационных зон на территории разгромленного «третьего рейха». Бавария, в пределах которой действовал и действует Христианско-социальный союз, управлялась американской военной администрацией.

Источники свидетельствуют, как сильно тема верности Рейху могла быть отслонена на первой фазе реконструкции Баварии. Для сил, для которых была характерна тенденция в направлении собственной баварской государственности, речь шла, по крайней мере, не о ставшем впоследствии поляризованным вопросе одобрения или отклонения раскола Германии на Запад и Восток, а о вариантах и также возможных альтернативах официальной политике союзных держав, сохранить Германию как государство и виновника Второй мировой войны. В этой связи активно интерпретировалась статья 178 Баварской Конституции, которая следующим образом описывала отношения Бавария-Германия в 1946 г.: «Бавария вступит в будущее германское демократическое государство. Оно должно основываться на добровольной связи отдельных германских государств, чья собственная жизнь должна конституционно гарантироваться».

Баварское гражданство, регулируемое в ст. 6-8 Баварской Конституции, также давало пищу для сепаратистских толкований. Компетентные выяснения содержали выступления видных деятелей ХСС Алоиса Хундхаммера и Ханса Навяски на конституционном собрании, а также их констатацию к тексту конституции: «...Кроме того, должно быть указано на то, что военная администрация разрешением Конституции никоим образом не благословляет сепаратизм Баварии или другого немецкого государства. Употребление выражения «баварское гражданство» будет, поэтому только признано, если вместе с тем под гражданином Баварии мыслится тот, который есть также гражданин Германии, которая управляется посредством Союзного Контрольного Совета. Одинаковым образом должна быть выражена воля вступить в будущее германское федеральное государство, как указание представителям Баварии, которые позднее будут участвовать на совещаниях о будущем германском правительстве, но не как право, отказываться в какой-либо форме от участия в германском правительстве, независимо от того, будет ли оно функционировать в качестве промежуточного решения союзных оккупационных властей или будет учреждено в форме постоянного правительства немецкого народа». [3]

Решающей для толкования ст. 6-8 (баварское граждан-

ство) и 178 Баварской Конституции была ссылка на Германию, которая управляется посредством Союзного Контрольного Совета. Здесь очевидно, что германский рейх после 1945 г. продолжает существовать и ни с капитуляцией, ни с распространением властных полномочий иностранных оккупационных государств в Германии не исчез.

Благодаря активному сотрудничеству политиков ХСС и тогдашнего баварского премьер-министра Ханса Эхарда в Баварской государственной канцелярии в Мюнхене в начале июня 1947 г. состоялась конференция премьер-министров германских земель. Эти земли предприняли общегерманскую попытку противодействовать обозначившемуся расколу Германии. Эхард открыл в июне конференцию речью, которую он закончил словами: «Несмотря на разделение Германии на 4 зоны, мы не отказываемся ни от какой части нашего германского Отечества. Германский восток и Берлин мы рассматриваем как жизненно важную составную часть Германии». [4]

Попытки Эхарда и его коллег привлечь к участию в конференции премьер-министров земель восточной зоны оказались безуспешными. Мюнхенская конференция стала манифестацией на фоне проводимой, прежде всего Советским Союзом, но также Францией политики отчуждения и удаленности оккупационных зон.

Конференция была также первой германской попыткой, удостоверить единство Германии.

Цель конференции – принятие необходимой общегерманской программы – была достигнута. Личное знакомство глав правительств облегчило сотрудничество. По крайней мере, на Западе границы между зонами потеряли свою закрытость.

Важнейшим фактором, влияющим на линию ХСС в германском вопросе, была ситуация в советской оккупационной зоне. Здесь усилился процесс кардинальных изменений социальных и экономических отношений. Благодаря далеко идущим реформам земельной, школьной, юстиции, промышленности буржуазия была лишена экономических основ и возможностей влияния на государство. В 1946 г. было осуществлено насильственное объединение СДПГ и КПГ в социалистическую единую партию Германии (СЕПГ), которая несколько позднее приобрела черты ленинской кадровой партии. Единолично правившая после 20 сентября 1947 г. в Баварии ХСС жестко настаивала на западном решении германского вопроса, то есть на обеспечении свободного демократического порядка для Германии, прежде всего в трех западных зонах. Уже на этой фазе баварской германской политики бросалась в глаза наряду с национальной общеевропейской идея как отчужденный элемент.

В своей знаменитой регенсбургской речи от 3 апреля 1948 г. на тему «Европейское положение и федерализм» премьер-министр Эхард подчеркнул, что «историческая государственная конструкция Европы с её одновременным сосуществованием и взаимным антагонизмом ориентированных на себя национальных государств окончательно изжила себя». Эхард дал в этой связи понять: «Чем незначительнее будет перспектива иметь влияние на внутригосударственное преобразование германского востока, тем обязательнее мы хотим поставить для общегосударственного будущего во главу угла требование, по крайней мере, другую часть Германии так строить, чтобы для неё одно поле напряжения не будет приобщено одинакового рода полем напряжения. Если бы в Баварии тут и там находился осведомленный сепаратист, который только себя и своё маленькое баварское пространство видит, то это ничего не могло изменить в факте, что Бавария никогда больше не может отстраниться от исторического развития, которое её судьбоносно связало со всей Германией». [5]

При Хансе Эхарде речь для ХСС не шла о том, чтобы поставить Мюнхен на место Берлина или Баварию на место формально упраздненного прусского государства. В первую

очередь имелось в виду преодолеть нищее существование немцев, последствия бомбардировок, беженство и изгнание. Но уже в первые послевоенные годы бросался в глаза краеугольный камень христианско-социальной германской политики: ориентация на идеи свободы и включения в западные демократии. Хронисты характеризуют ХСС в первое десятилетие федеративной Республики как незаметную в германополитическом смысле. [6] Это было в такой степени правильно, пока общность демократических партий в германском вопросе не требовала партийно-политического профилирования. Впервые данное профилирование можно было отметить в связи с откликами на ноту Сталина от 10 марта 1952 г.

Точка отсчета второго этапа - образование ФРГ в 1949 г. Партия ХСС получает статус правительственной и, естественно, возможности влияния на германскую политику Бонна. Одним из важнейших источников для формирования концепции партии становится Основной Закон ФРГ, в котором была четко прописана главная цель этой политики: воссоединение Германии. Конечно, главную роль в разработке этой политики играл старший партнер ХСС – ХДС. Но роль баварского союзника демохристиан нельзя недооценивать.

ХСС всецело поддерживал следующие тезисы ХДС:

1. сначала объединение с ГДР по-боннски, а потом разрядка;
2. нет оснований для дипломатического признания ГДР со стороны ФРГ;
3. должна существовать де-факто Германия в границах 1937г.

Вместе с тем баварский союзник ХДС предпринимал и самостоятельные шаги.

Заметим, что советская и постсоветская историография не уделяли внимание инициативам о воссоединении со стороны главного коренного баварского федералиста Фритца Шефера, известного политика ХСС в первые годы существования боннского кабинета.

Шефер задержал миллиарды марок, которые оказались невостребованными структурами, которым они предназначались, и вел переговоры в июне 1955г. непосредственно после вступления в силу германского договора, но перед обменом дипломатическими представительствами с Советским Союзом тайно с эмиссарами из Восточного Берлина и Москвы о воссоединении. Партнерами Шефера по переговорам должны были быть вместе с Верховным Комиссаром СССР в Германии Г.М. Пушкиным заместитель министра обороны ГДР В. Мюллер, а также профессор Рюле, член Народной палаты ГДР [6]. Хотя конспиративные беседы не были успешными и осенью 1958 г. в связи с Берлинским ультиматумом Кремлём не поддерживались, принцип был правильным: как любой товар воссоединение имеет свою цену; цена с учетом советских трудностей на заключительной фазе переговоров об австрийском государственном договоре и естественных тенденций к либерализации после смерти Сталина не была иллюзорной.

Новые политические импульсы, которые исходили из атомного пата сверхдержав и «линии Кеннеди» в Вашингтоне, были ко времени большой коалиции в германской политике Бонна уже прослежены. Признание политического status quo в Европе посредством малых шагов уже началось. Несмотря на это, ХСС в германской политике оказался неподготовленным и небооруженным, когда осенью 1969 г. социал-либеральная «новая восточная политика» сознательно поставила поляризацию немцев на место общности в германском вопросе. Начался третий этап германской политики ХСС. Партийная организация с вновь созданным в 1970 г. германско-политическим кружком, но также с земельной фракцией ХСС и её председателем Альфредом Зайдлем начали в новом положении квалифицированно делать так, чтобы компенсировать потерю доступа к боннским центрам власти и их банку информации.

С учетом того, что германо-политическому кружку в дальнейшем будет принадлежать важная роль в разработке соответствующих концепций ХСС, есть смысл сделать отступление и специально остановиться на этой структуре. Рабочий кружок владеет согласно параграфу 27 Устава ХСС правом наказа на всех партийных уровнях. Первым председателем данного кружка был баварский социальный министр доктор Пиркль, позднее граф Штауффенберг. Первоначальное название «Рабочий кружок по германской и восточной политике» было позднее изменено на «Рабочий кружок по германской и внешней политике», чтобы сигнализировать обо всех касающихся германского вопроса моментах в мировой политике. В 1985 г. земельный рабочий кружок был преобразован согласно параграфу 23 абзацу 4 Устава ХСС в специальный земельный комитет, члены которого собираются земельным правлением ХСС. Продолжали существовать рабочие кружки на окружном уровне. [7]

Именно германо-политический кружок разработал содержание иска против подписанного 21 декабря 1972 г. между Федеративной Республикой и ГДР Договора об основах отношений, который планировалось направить в Конституционный Суд ФРГ. Главным вдохновителем в этом вопросе выступало руководство ХСС во главе с Францем Йозефом Штраусом. Оно считало, что правительство В.Брандта уже при подписании Московского и Варшавского договоров сдало ряд важных позиций в германском вопросе. Дипломатическое признание Бонном ГДР, предусмотренное в договоре от 21 декабря 1972 г., расценивалось лидерами ХСС как шаг, противоречащий Основному Закону ФРГ. Формируемое ХСС правительство Баварии обращается с иском в Конституционный Суд.

Иск против подписанного 21 декабря 1972 г. между Федеративной Республикой и ГДР Договора об основах отношений было первой попыткой такого рода, которую федеральная земля делала против заключенного федерацией международного договора.

Изданное 31 июля 1973 г. заключение Конституционного Суда содержало комплекс важных решений в отношении Федеративной Республики – ГДР. С точки зрения германских правовых позиций и с точки зрения германской политики ХСС и Бавария достигли большего, чем оппозиция в мае 1972 г. совместным решением по Московскому и Варшавскому договору, которое было только политической декларацией и потому социал-либеральное правительство от него все дальше удалялось.

А сейчас остановимся на основных чертах заключения Конституционного Суда ФРГ.

Важнейший вывод данного акта был в том, что Договор об основах отношений просто не был согласован с Конституцией, а только с вытекающими из её основ трактовками. Федеральный Конституционный Суд подчеркнул эту соответствующую конституции интерпретацию еще посредством того, что все объяснения обоснования заключения, также те, которые не покрываются исключительно самим содержанием договора, объявил ведущими основами. [9]

Сработала вынашиваемая Францем Йозефом Штраусом тактика: постоянно употребляемая социал-либеральным правительством формула «изменение через сближение» была заменена Федеральным Конституционным Судом статичным государственным понятием «граница».

Наконец, решение Конституционного Суда предостерегло в этом контексте тенденцию в Федеративной Республике сбрасывать германские правовые позиции как юридическую казуистику без того, чтобы теоретически проследить последствия такого шага. [10]

Заключение по договору об основах отношений было для восточной дальнейшей и германской политики путеводным, указывающим путём. Дальнейшая свобода действий, которая

допускалась предложением 3 преамбулы Основного Закона, была уточнена формулировкой тезиса 5-го решения, что конституционный орган Федеративной Республики Германия не должен отказываться от восстановления государственного единства как политической цели. Это включало требование, поддерживать стремление к воссоединению внутри и настойчиво представлять во вне и отказываться от всего того, что могло бы сорвать воссоединение. [11]

Тезис о международно-правовом признании ГДР Федеративной Республикой не только не был в этом решении сформулирован, но не мог для федерального правительства браться в будущем в расчёт. ГДР принадлежала к Германии и не должна была в своих отношениях с Федеративной Республикой быть за границей. Правда, ГДР была, в смысле международного права, государством и в качестве такового являлась субъектом международного права, но имела силу та особенность, что Федеративная Республика Германия и ГДР «части всё ещё продолжавшего существовать государства единой Германии». Упомянутая в статье 3, абзаце 2 Договора об основах отношений граница между обеими частями Германии была определена как «государственно-правовая граница». Ответственность четырёх держав за единую Германию трактовалась как международно-правовая рядом с государственно-правовыми рамками для продолжения существования единой Германии. [12]

Продолжение существования субъекта права «Германия в границах на 31 декабря 1937 г.» давало также юридический базис для продолжения существования германского гражданства как зримого момента личной связи всех немцев. В решении Конституционного Суда разъяснялось, что статья 16 Основного закона исходит из того, что германское гражданство одновременно есть гражданство Федеративной Республики Германия. Итак, германским гражданином был не только бюргер Федеративной Республики Германия. В случае если жители ГДР попадали внутри страны или за рубежом в сферу действия государственных органов ФРГ, они имели точно такие же права на юридическую защиту, как жители Федеративной Республики. [13]

Федеральный Конституционный Суд констатировал в своем правовом решении, что конституционно Берлин был и остаётся землёй Федеративной Республики Германия. Речь шла о принципиальной обязанности всех действующих для Федеративной Республики органов при любом договоре или при любом соглашении с ГДР, которые по своему содержанию могут быть распространены на землю Берлин и её граждан, настаивать на распространении на Берлин и заключать только, если правовой статус Берлина и его граждан по отношению к территории, на которую распространяется установленный договором правовой статус, не будет урезан с сохранением оговорки для ответственных за Берлин союзников. [14]

Федеральный Конституционный Суд уточнил германо-правовые и германо-политические обязанности всех органов Федеративной Республики. Они имели потребность в постоянной актуализации благодаря политическим силам в Федеративной Республике Германия. ХСС постоянно направлял усилия на проведение и осуществление принципов заключения Карлсруэ.

Протокол об учреждении постоянных представительств от 14 марта 1974 г. предусматривал, что глава постоянного представительства ГДР был аккредитован при федеральном президенте. Бавария не голосовала в бундесрате за то, чтобы внутригосударственное проведение обмена постоянными представительствами в Федеративной Республике прописывалось правительством. Воздержание при голосовании баварского правительства было оправдано, так как решение Конституционного Суда не рассматривало Федеративную Республику Германия и ГДР как нормальные суверенные госу-

дарства в смысле международного права. В контексте заключения по Договору об основах отношений международное признание ГДР Федеративной Республикой Германия было противоречащим Конституции. [15]

Результаты социал-либеральной восточной политики были вновь рефлексированы в Заключительном акте Хельсинки от 1 августа 1975 г. Так как эти результаты конференции не могли рассматриваться федеральным правительством ни как политический, ни как имеющий силу закона договор в соответствии со статьёй 59 абзацем 2 Основного Закона, не были также приобщены законодательные органы к Заключительному акту.

Баварское правительство постановило 1 июля 1975 г. внести в бундесрат проект решения, в котором Федеративная Республика Германия должна была заявить в отношении принципов Заключительного акта, что двусторонние прежние и многосторонние договоры, а также другие права и обязанности не должны быть затронуты – в особенности не должно быть затронуто продолжение существования единой Германии.

Проект решения Баварии был отклонен, так как земли, управляемые СДПГ, которые в то время в бундесрате имели большинство, присоединились к точке зрения федерального правительства о том, что германский вопрос в СБСЕ не меньше открыт, чем это случилось в восточных договорах. Поэтому не существовало повода для особой нотификации в рамках конференции, как это требовало баварское правительство. Хотя проект соглашения из-за указанного соотношения сил не был одобрен, несмотря на это он заслужил внимание, так как он содержал конституционно предлагаемые пояснения, которые сделали признанными основные расхождения, которые проходили во всем каталоге принципов по вопросу о нерушимости границ в его конкретном применении к проблеме германского воссоединения: преимущество международно-правовых договоров со специфически германо-правовым содержанием было акцентировано. Разъяснялось, что Берлин (Западный) не представлялся самостоятельной политической единицей и что Федеративная Республика должна нести заботу о соблюдении интересов Берлина (Западного) для его включения в принципиальные и практические СБСЕ – решения. Проект решения нес далее признание тезиса, что абстрактное и безотносительное формулирование права на самоопределение рядом с конкретно относящимся к границе регулированием никоим образом не могло распространять самостоятельную эффективность. В проекте решения сделан акцент на то, что осуществление права на самоопределение немецкого народа мирными средствами не могло быть приостановлено оговорками из принципов. [16]

При заключении германо-германского пограничного протокола федерация смогла впервые на протяжении политики восточных договоров заключить соглашение не одна, а во взаимодействии с заинтересованными землями. В статье 1 дополнительного протокола задачи пограничной комиссии касались как органов федерации, так и органов земель, так как пограничная линия была как федеральной, так и земельной границей.

Например, в этом контексте земли получили полномочия в области водного хозяйства и геодезии. В упорных переговорах Баварское правительство и ХСС настаивали на том, чтобы в ходе разработки соглашений с ГДР учитывались интересы земель.

Прохождение пограничной линии, её правовая природа остались открытыми: между двумя германскими государствами существовало далеко идущее различие в понимании правовой природы. Для Федеративной Республики отправным пунктом был Лондонский протокол от 12 сентября 1944 г., в котором демаркация границы предусматривалась «для цели оккупации» Германии и не для цели её раздела. Напротив,

ГДР видела в установленной 4 державами – победительницами в Лондонском протоколе границе между зонами историческую границу, которая могла быть значима для прохождения, но не для правового характера германо-германской границы. Эту свою правовую позицию ГДР видела подтвержденной благодаря статье 3 абзацу 2 Договора об основах отношений («Нерушимость существующих границ сейчас и в будущем»). Возникает вопрос, почему Федеративная Республика Германия, при активном сотрудничестве, соучастии, Баварии демаркировала и документально это закрепила пограничную линию, чьё правовое значение совершенно иначе рассматривались партнёром по договору.

Ответ следует искать в имеющем универсальное значение запрете применения силы. Как вся германская политика Федеративной Республики с 1949 г., протокол о границе базировался на принципе запрещения применения силы и принципе мирного урегулирования споров. Протокол о границе имел целью предотвратить, чтобы из спорных вопросов о пограничной линии возникали угрожающие миру конфликты. Запрещение применения силы по Уставу ООН распространяется также на демаркационные линии, которые государства должны уважать на основе международных соглашений или из иных оснований. Одновременно государству, которое уважает принцип неприменения силы, гарантируется, что оно вследствие этого не рискует правовыми потерями. Это конкретно означало, что открытости германского вопроса благодаря протоколу о границе не был причинен ущерб, что в смысле решения Конституционного Суда ФРГ. Федеративная Республика и ГДР существуют «на фундаменте ещё существующего государства и Германия как целое», и что в случае германо-германской границы речь идет о государственно-правовой границе. [17]

ХСС успешно боролась против Герских требований, выполнение которых восточногерманская сторона считала важнейшим условием улучшения германо-германских отношений. Речь идет о речи Генерального секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера перед 250 партийными активистами и пропагандистами округа Гера 13 октября 1980 г. Эти требования нашли одобрение в части СМИ, у «Зеленых» и СДПГ. Их суть была такова:

1. Преобразование постоянных представительств в дипломатические миссии.
2. Признание одной из границ между зонами отклоняющейся западной границей ГДР в области Эльбы.
3. Признание гражданства ГДР.
4. Ликвидация учреждений по учету преступлений СЕПГ. [18]

Ответ ХСС был следующим:

1. С установлением дипломатических отношений между обеими частями Германии было бы достигнуто - по крайней мере, конклюдентно – полное международно-правовое признание ГДР в качестве независимого государства Федеративной Республикой Германия. Напротив, Федеральный Конституционный Суд счел законным только «фактическое признание особого рода» с особыми отношениями между обоими государствами в Германии.

2. Речь шла здесь не о соединении нескольких квадратных километров государственной области, а о принципиальном вопросе: является ли маркированная и документированная германо-германской комиссией в соответствии с Договором об основах отношений линия новой государственной границей или старым, предпринятым оккупационными властями в Германии разграничением зон их оккупации. Любое новое конститутивное урегулирование германо-германской границы противоречило бы решению Конституционного Суда о внутри германском качестве совместной границы.

3. С признанием гражданства ГДР также в области Федеративной Республики Германия была бы преддана судьба

общегерманского гражданства и требуемая Федеральным Конституционным Судом от федерального правительства защита для всех немцев стала бы с точки зрения международного права беспредметной.

4. В мае 1989 г. в Зальцгиттере благодаря сопротивлению федеральных земель, в которых правили ХДС/ХСС, требования о ликвидации учреждений по учёту преступлений СЕПГ были провалены. Учреждения по учёту были выражением защиты уголовно-правового порядка со стороны Федеративной Республики перед преступлениями против человечности. Их документы, сегодня Учреждения по учёту были выражением защиты уголовно-правового порядка со стороны Федеративной Республики перед преступлениями против человечности. важный источник информации при разработке вопроса о противозаконности режима ГДР [19].

Доказательство бесосновательности указанных инициатив Восточного Берлина активно излагалось политиками и экспертами ХСС и в ходе четвёртого этапа её германской политики, который начался после того, как эта партия вернула себе статус правительственной в 1982 г.

На этом этапе партия так же вела борьбу против подрыва требования о германском воссоединении.

Существенным моментом в деятельности ХСС стала его существенная роль в выделении Бонном ГДР трёх миллиардного кредита.

Пятый этап начался с момента октябрьской революции в ГДР. События 1989 года, которые развивались на этом этапе, дают основание утверждать об основополагающем значении заключения Конституционного Суда 1973 г. для германского воссоединения. Данное заключение явилось юридической основой внутренних аспектов строительства германского единства. В этом следует искать одну из важных причин быстрого решения задачи восстановления германского единства в 1990 г.

Таким образом, германская политика Христианско-социального союза ФРГ на всех этапах отвечала национальным интересам данной страны. По сравнению с другими западногерманскими политическими партиями она была наиболее корректной с правовой точки зрения. Ключевым аспектом вклада ХСС в восстановление германского единства явилось

заключение Федерального Конституционного Суда 1973 г. по Договору об основах отношений между ФРГ и ГДР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

1. Oberreuter H. Konkurrerende Kooperation-Die CSU in der Bundesrepublik. // Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU 1945-1995. Munchen: Hrsg. Hanns-Seidel-Stiftung e. V., 1995. S. 326.
2. Wahlergebnisse der CSU bei Bundestags -, Landtags- und Europawahlen // Gseschichte einer Voekspartei... S 715.
3. Blumenwitz D. Bayerns Beiträge zur Deutschlandspolitik // Carstens Hrsg, Franz Josef Jtrauß. Erkenntnisse - Standpunkte - Ausblicke. München, 1985. S.197.ff
4. Die Deutsche Ministerpräsidentenkonferenz in München von 1947: München: Hrsg von der Bayerischen Staatskanzlei; 1965-S.31ff.
5. Archiv für Christlich-Soziale Politik (weiter ACSP), DS 5//34.
6. ACSP, DS 6 /289.
7. ACSP, DS 9/138
8. Krieger W. Franz Josef Straurs-der barocke Demokrat aus Bayeru. Göttingen, 1995. S. 199.
9. ACSP, DS 5/115.
10. Deutscher Bundestag, 6. Waheperiode, Stemograph, Berichte Bd. SO, S. 10960; 187. Sitzung Anlage 6, Ausdruck 287.
11. ACSP, DS 5/115.
12. Ebenda.
13. Ebenda.
14. Ebenda.
15. Verordnung über Gewährleistung von Erleichterungen, Vorrechten und Befreiung an die ständige Vertretung der DDR vom 22. April 1973//BGBE 1973/S.1022ff
16. ACSP, DS 6/192.
17. ACSP, DS 7/193.
18. Grundsatzrede des Generalsekretars des ZK der SED Erich Honecker vor 250 Parteiaktivisten und Propagandisten des Bezirks Gera am 13. Oktober 1980//A.d. 6: 1980. S.23970 B.
19. Blumenwitz D.Die terrotorial Folgen des Zweiten Weltkrieges.//Archiv des Völkerrechts, Bd. 23, Heft. 1-2 (1985), S.1ff (24ff).
20. Blumenwitz D.Bayernts Beiträge zur Deutschlandpolitik...S.197ff (206 f).

УДК 304.3+316.752 + 77, 316.42, 316.4.0151.62

Яковук Т.И.

МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Приведенные в статье результаты получены в ходе социологического исследования, осуществлявшегося на базе БГТУ зимой-весной 2002 года. Респондентами являлись студенты 1-2 курса экономического факультета и факультета ВиГ.

Переход от судьбы к выбору создает новые шансы и модернизационные ловушки. С одной стороны, налицо всеобщий отход от морального кодекса, с другой, как общество мы приближаемся к черте скептицизма и морального релятивизма. Моральная кондиция белорусского социума часто переживается как состояние кризиса, аномии, крушения ценностей и великих идеалов, а свобода понимается как синоним современной ментальности. В обществе широко распростра-

нилось мнение о том, что на рубеже столетий под воздействием цивилизации постмодерна, активно транслирующей свои ценности на постсоветские страны, в том числе и Беларусь, позиции морали в социальном знании молодежи значительно ослабли. На фоне тревожных размышлений о забвении молодежью моральных регуляторов, о моральной аномии, спровоцированной не только глобализационными процессами, но и собственной трансформацией, крушением аксионормативной системы ценностей предыдущих поколений белорусов, происходит всплеск преступности, наркомании, проституции и других патологических явлений, активным участником которых является молодежь. Отсюда наш интерес к тому, какую роль играет мораль, моральные ценности и нормы в мировоззренческих позициях юных респондентов, в отдельных сфе-

Яковук Тамара Ивановна. Кандидат культурологии, доцент каф. философии и культурологии Брестского государственного технического университета, кандидат исторических наук.
Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.